

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

В. ЯН

НИКИТА И МИКИТКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

В. Ян
**НИКИТА и
МИКИТКА**

Исторический рассказ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

**„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“**

1983

Грозный царь Иван Васильевич (XVI век) приказал учить грамоте боярских детей. И вот в путь, в белокаменную Москву, отправляют княжича Никиту, а с ним крепостного мальчика, холопа Микитку.

О том, как встретила Москва мальчиков, что увидели они там, вы прочтёте в этой книге.

Прочтёте вы и о том, как Микитка стал учеником замечательного русского первопечатника Ивана Фёдорова (ок. 1510—1583).

Х у д о ж н и к *Н. Шеберстов*

В БОЯРСКОЙ УСАДЬБЕ

Через заиндевшее окно, сложенное из кусочков слюды, пробивался тусклый утренний свет. В жарко натопленной спальне, на изразцовой лежанке, покрытой ковром, разметался во сне краснощёкий мальчик в белой косоворотке. Над ним склонился тощий, с козьей бородкой «дядька» Филатыч и осторожно похлопывал его по плечу:

— Князинька, Никита Петрович, пора подыматься! Лошадей уже запрягают. Дорога дальняя, а в Москву надо приехать засветло. К вечеру поставят поперёк улиц брёвна и решётки, тогда никого не пропустят.

— Не поеду! Пошёл прочь, старый дуралей!

— Зачем же ты сказал непристойное слово? Как

можно не поехать! Это царский приказ! Дяденька Борис Фёдорович осерчает, коли ты не приедешь!

— А я сказал — не поеду! По-моему и будет!

Бесшумно, в шерстяных чулках, подплыла пухлая нянюшка в красном сарафане и заячьей телогрейке-безрукавке.

— Что же ты, князинька Никита Петрович, упрямишься? — нараспев начала она. — Полно брыкаться ножками! Ведь это твой старый верный дядька Филатых. Он тебя повезёт в Москву. Дай-ка я тебе тёплые чулочки и валенцы надену, чтобы ты, сохрани господь, не простыл на морозе.

Нянюшка подняла и усадила сонного мальчика, а Филатых стоял рядом и приговаривал:

— Запряжём мы в саночки-умчалочки коньковбегунцов с бубенчиками... Усядемся поплотнее и запахнёмся полостью медвежьей, чтобы не выпасть на поворотах, и покатым с заливным колокольчиком по снежку, по первопутку, в сторонку не ближнюю, не дальнюю, в Москву златоверхую, что раскинулась на холме высоком, между рекой Яuzzой и Москвой-рекой...

— А я в Москву не поеду! — повторял мальчик. — Я с Микиткой сегодня в лес пойду, будем сеткой ловить снегирей... Микитка научит меня играть на пастьушьей дудке-жалейке. Он и горку ледяную полил водой. Теперь мы с ним будем кататься с горки на салазках...

— Как же можно ослушаться, когда сам батюшка царь Иван Васильевич повелел боярским сынкам грамоте учиться! Теперь к тебе приставят дьячка с указкой, а рядом с тобой будут сидеть не какие-нибудь простые людишки, а тоже такие, как ты, сынки боярские.

— Пускай учатся дьячки! А я на коне поеду на войну и буду воеводой!

— Красавчик ты наш, черноглазенький! — поддакивала нянюшка, а сама в то же время продолжала одевать мальчика. — Вестимо! К чему воеводе грамота? Да что же поделать, когда сам великий государь приказал! Он невесть что повыдумает.

Нянюшка умыла и причесала мальчика, затем, поставив его на колени рядом с собой, помолилась перед старой, тёмной иконой в серебряной ризе. Вместе с дядькой Филатычем она повела Никиту по лесенке наверх, в опочивальню княгини, чтобы показать его перед отправкой в Москву. А мальчик всё твердил:

— Если Микитка поедет со мной в Москву и захватит дудку и сетку для снегирей, то и я поеду. А без него я ни за какие пряники не поеду! С дороги сбегу.

В ИЗБЕ У МИКИТКИ

Боярская усадьба «Весёлые пеньки», в которой жил Никита, раскинулась на холме, среди старого леса, на берегу извилистой речушки. Усадьбу окружал высокий тын из заострённых брёвен-стояков. Дубовые ворота с затейливой крышей были всегда на запоре. Большие злые собаки на цепи охраняли усадьбу и от зверя — волка и медведя, — часто бродившего в лесу, и от недобрых людей с большой дороги.

Посреди холма красовались нарядные боярские хоромы с раскрашенным и покрытым резьбою крыльцом, с гребнем и весёлыми петушками поверх тесовой крыши. Усадьба была видна издалека, и новые бревенчатые хоромы поблёскивали на солнце слюдяными окошками с замысловатым свинцовым переплётом.

По сторонам боярского дома выстроились людские избы для жилья дворовых слуг, амбары, ко-

нюшни с сенником наверху, клетки, скотный двор со стойлами и сараями и для сена и для дров, а в стороне, отделённый забором поменьше, был особый двор, где находились гумно, овин для хранения хлеба и высокие скирды ещё не обмолоченных снопов.

На краю усадьбы, над самой речкой, чернела закоптелая кузница; тут же, на плотине, перегородившей речку, образовав запруду, шумела неугомонным колесом старая мельница. Близ самого берега расположились бани — мыльни — в виде чёрных срубов, покрытых дёрном, для холопов.

Немного дальше вдоль речки протянулись крестьянские избы.

В одной из них жил крестьянский мальчик Микитка.

Рано утром, ещё до рассвета, в полутёмной избе горела, потрескивая и дымя, длинная тонкая лучина, воткнутая в поставец. Шипя, потухали, отваливаясь с лучины, угольки, падая в глиняную миску с водой. Всю долгую ночь мать Микитки, молчаливая, сгорбленная, со скорбным лицом, просидела около деревянного гребня с куделью¹ и, поплёвывая на пальцы, сучила нитку. Жалобно шуршало и прыгало веретено, иногда мать запевала песню, тягучую, как завывание вьюги за окном:

— Что же ты, лучинушка,
Неясно горишь,
Что не вспыхиваешь?
Неужели ты, лучина,
Во печи не была?..
— Я была-была в печи
Во сегодняшней ночи...

Когда маленькое окно, затянутое промасленной холстиной, засветилось тусклым пятном, мать вздох-

¹ Кудель — расчёсанный до мягкости лён или конопля.

нула и подобрала на лавку плясавшее на нитке веретено:

— Вот и утро приспело и день настаёт!

Она встала, отодвинула гребень и вышла из избы. Наохлившись под печкой две рыжие курицы встретились. Петух, отряхнувшись, важно вышел на середину избы и, захлопав крыльями, пропел «кукареку». Хромой ягнёнок, лежавший вместе с курами, поднялся, прошёл, стуча копытцами, по избе и, не найдя хозяйки, беспокойно заблеял.

Мать вернулась с охапкою хвороста и, оставив раскрытой дверь, раздув угли, засыпанные с вечера золой, стала растапливать громоздкую печь, занимавшую половину избы.

Раздался сильный стук в окно. С улицы кто-то кричал:

— Эй, хозяйка! Эй, Василиса! Выдь-ка на улицу. Старая боярыня меня до тебя прислала.

— Что ещё за беда с нами стряслась? — прошептала крестьянка, оставляя кочергу.

Накинув зипун, она выбежала из избы.

— Это я, Филатыч, стремянный¹ покойного князя Петра Фёдорыча. Али не узнала? Тебе счастье привалило. Наш княжич Никита едет в Москву грамоте учиться и пристал к боярыне, что хочет-де с собой взять твоего Микитку: «Не поеду, говорит, без него, сбегу с дороги».

— Да на что он ему дался? — стала голосить Василиса. — Какое же это счастье! Завезут моего Микитку в Москву да и отдадут в чужие руки! И никогда его я больше не увижу! Лучше бы он дома помер — хоть могилка от него осталась бы! Было бы где по нём поплакать и материнской то-

¹ Стремянный — конюх, слуга, ухаживающий за лошадьми.

ской убиваться! Вот она, наша доля холопская: по воле боярина от дома родного отрывают! Что теперь с бедным Микиткой станет! Кто его пожалует!

— Брось ты, хозяйка, голосить! Рано его хоронить. Это царский приказ...

— Царский приказ!.. Ой, горюшко наше! — воскликнула, всплеснув руками, Василиса и заголосила ещё пуще.

А Филатыч спокойно продолжал:

— Ну, скажем, царский приказ! Тебе-то чего пугаться? Говорится в приказе, чтобы смышлёные ребята при церквах грамоте учились. У царя ведь большое царство растёт. Ему теперь много надо и дьяков и подьячих. Земли прибавилось, а грамотеев-то нет. Кто будет подсчитывать дани да оброки? Наш княжич Никита тоже ревмя ревет: не хочет ехать учиться в Москву,— а всё же сегодня поедет.

— Ну и пускай едет, а моего Микитку чего тащит?

— Твой Микитка — паренёк бойкий: он и силки поставит, и сеть сплетёт, и на дудочке играть умеет. Всему его дед Касьян Гаврилыч научил. Я не знаю, что ли! Так чего ему дома сиднем сидеть? Пускай едет с князьком: подле него он не только будет его ярыжкой¹, а и сам грамоте научится... Эй, Микитка, поди-ка сюда!

Микитка вышел на порог избы с взлохмаченными светлыми волосами и блестящими, как у испуганного зверька, глазами.

— Ну, молодец-удалец, собирайся в дорогу! Князьинька Никита Петрович едет в Москву и тебя с

¹ Ярыжка — человек, выполнявший самую чёрную работу по двору: колку дров, чистку скотного двора и проч.

собой берёт. Такова воля боярская. Вот тебе старая боярыня приказала полушубок заячий выдать и пару лаптей! — Филатыч показал старый, заплатанный полушубок и новые лапти. — Скорее оболакивайся!¹ Скоро уже и ехать.

Микитка обнял мать за шею и ладонями вытирал на её лице слёзы:

— И чего ты, маманя, раньше времени убиваешься? Чего Москвы бояться! Я в лесу даже медведицу с медвежатами встретил и то не испугался: на берёзу влез и отсиделся, пока она не ушла. А коли я буду ходить подле Никиты Петровича, так

¹ Оболакиваться — одеваться.

я одним глазком стану подглядывать, как он грамоту учит, да и сам научусь.

— Верно, паренёк! — сказал Филатыч. — В Москве, поди, тоже люди живут и калачи жуют. Слушайте моё слово: сегодня княжич уезжает, и я с ним, а вдогонку за нами пойдёт обоз и повезёт всякой курятины и поросятины на поклон дьячку, что будет ребят учить, — рука бы его высоко замахивалась, да не крепко била! С обозом и поедет Микитка. А ты не думай, малец, что сможешь убежать: тогда тебя так за это розгами исполосуют, что до первых весенних берёзок не придётся ни сесть, ни лечь.

Филатыч ушёл в темь утренних сумерек, а в дверях избы, освещённый отблеском пылавшей печи, стоял седобородый, сторбленный дед Касьян и, кашляя, говорил:

— А, Микитка! А, внучок! Хоть и туговат я стал на ухо, а услышал, что тебя шлют в Москву... Кхе, кхе! Москва велика, заблудиться можно. А ты слышал аль нет: «От отца и матери иди, так не в один, а в оба гляди!» Там, говорят, много высоченных колоколен. Ты спервоначалу влезь на колокольню и оттуда посмотри зорко на Москву — как оглядишься, так потом уж и не заблудишься...

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Как ни упирался княжич Никита, всё же он был закутан в платки и в шубу и усажен в возок. Он так плакал и бился, что княгиня, стоявшая на крыльце, уж стала колебаться: не оставить ли его ещё на несколько деньков? Три сытых коня с туго заплетёнными гривами, запряжённые гуськом, один за другим, натягивая постромки, потащили по глубокому скрипучему снегу тяжёлый крытый возок. На перед-

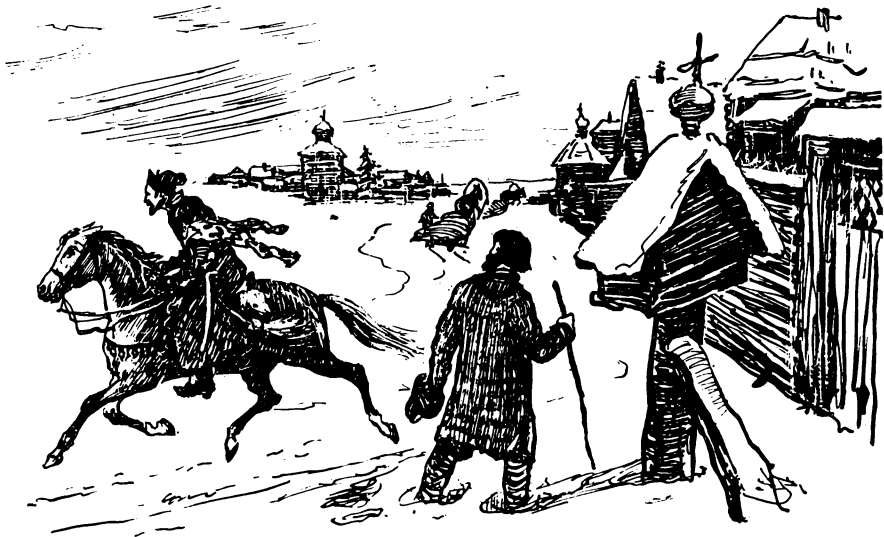
нем коне сидел верхом «вершник» и, громко вскрикивая, хлопал бичом, сгоняя с дороги ехавших навстречу крестьян. За возком, верхом на мохнатом гнедом коньке, скакал дядька Филатыч с длинной, тяжёлой пищалью за спиной.

Вскоре после отъезда Никиты тронулся и обоз из десяти саней. По господскому приказу крестьяне везли в Москву мешки с зерном, кадки мочёных яблок, брусники и солёных груздей, свиные окорока, мешки с битыми гусями и курами, воз рыбы сушёной, телячьи и свиные туши. Всё это было бережно перевязано, чтобы в пути ничего не пропало из господского добра. С этим обозом отправился в Москву Микитка.

Дорога шла то мимо засыпанных снегом пашен, то старым, густым лесом, где водились и олени, и лоси, и медведи, и другие звери. Лес кругом был заповедный, царский; в нём под страхом казни воспрещалось кому-либо охотиться, кроме царя. На снегу виднелись всякие звериные следы: несколько раз трусцой перебежала дорогу рыжая осторожная лисица и, взбивая снег, проносились перепуганные длинноухие зайцы.

Чем ближе к столице, тем больше попадалось и отдельных путников, и целых обозов, и всё это постепенно образовало длинную вереницу саней, направлявшихся в сторону Москвы. Везли и дрова, и сено, и несчётные кули с мукой или зерном, и телячьи мороженые туши — всё, что нужно для многолюдной Москвы.

Дорога была изъезженная, вся в рытвинах и ухабах; часто встречались возы с сеном, повалившиеся набок, и возчики с помощью других путников пытались их поставить на полозья. В одном месте опрокинулись сани с дровами, и возчик, сбросив на снег зипун, готовился снова приняться за их укладку. Впереди ж то и дело слышались крики:

— Берегись! Ожгу!.. Сворачивай!

Крестьяне торопливо хлестали своих маленьких лошадок и съезжали с возами в сторону. А навстречу мчались кони, и мимо проносился возок, обитый красным сукном. В открытое окошечко выглядывало парумяненное и набелённое лицо знатной боярыни в собольей шанке или сдвинутые брови бородатого сурового восводи. Плохо приходилось тому, кто зазевался и не поторопился свернуть с дороги: на него насккивали боярские слуги и, настегав возчика плетью, расцепляли сани. Тройка уносилась дальше с криком: «Берегись!»

Раза три по пути возчики задерживались на заставах. Стрельцы, вооружённые пищалями, опрашивали всех:

— Ты чей будешь? Зачем и куда едешь?

Возчики медленно доставали из подкладки шапок завёрнутые в тряпицы «проезжие грамоты» с закоптелым оттиском печати.

Микиткина лошадь была маленькая, с взъерошенной шерстью. Он шёл рядом с ней, держа в руках хвостину, и покрикивал на неё, как заправский возчик:

— Но, родимая! Понатужься, любезная! Чего оглядываешься? Кнута, что ли, захотела?

Лошадь, равномерно шагая, тащила розвальни. Когда дорога спускалась под гору, Микитка подсаживался на свинные туши. Весь обоз скатывался рысью, а потом, в гору, лошади опять шли мерным шагом. Микитка тогда присоединялся к другим возчикам, шедшим гурьбой, слушал их разговоры о возможном набеге казанских или крымских татар, о новых царских указах.

Всё в дороге казалось Микитке и новым и занятным. Он жадно всматривался в туманную даль, ожидая скоро увидеть Москву.

ВОТ И МОСКВА!

К полудню обозы подошли к приземистым башням и толстым стенам какого-то монастыря. За ними подымались большие и малые, круглые, как луковичицы, маковки церквей с золочёными крестами. У ворот стояли бородатые монахи в длинных чёрных одеждах и круглых, как древесные пеньки, шапках и монастырские сторожа с бердышами. Наверху, над каменными воротами, висела огромная, разукрашенная серебром икона. Подходившие к воротам падали на землю; стоя на коленях, крестились, обращаясь к иконе, затем вставали и опускали деньги в большие железные кружки, прикреплённые к стене. Монахи спускали на верёвке серебряное паникадило, висевшее перед иконой, прикрепляли к нему восковые свечи и снова подтягивали наверх.

Вдоль самой дороги не раз попадались по две-три избы с ёлкой, прибитой над крыльцом. Это были постоянные дворы, где можно было погреться и подкрепиться миской горячих щей и мягкими ржаными лепёшками. Здесь скоплялось множество саней. Свернувшиеся клубком на кулях собаки, ворча, сторожили поклажу.

Обоз, с которым ехал Микитка, не останавливаясь, направлялся к Москве. Когда сани поднялись на пригорок, раздались возгласы:

— Вот она, наша Москва белокаменная!¹

Микитка увидел вдали, среди снежной равнины, холм, опоясанный красноватой каменной стеной. На холме сгрудились дома, терема, башни, церкви, колокольни, разноцветные купола и золотые кресты всяких размеров. Всё это играло, пестрело и переливалось в лучах полуденного солнца.

Дальше, по рассказам возчиков, начиналась другая часть Москвы — Китай-город, где находились торговые ряды.

По засыпанным снегом полям, вдоль дорог, ведущих к Москве, тянулись чёрные вереницы домиков, каждый с маленьким двором. Здесь жили торговцы, мастеровые и всякий трудовой люд, который кормился около столицы.

— Эй, берегись, малец! Ожгу! — раздался крик, и острая боль полоснула по спине.

Микитка отбежал в сторону. Мимо него пронёсся на сером в яблоках коне нарядный всадник в малиновом кафтане и мохнатой шапке из волчьего меха. За ним на горячих лёгких конях мчались другие, такие же нарядные всадники, с кривыми саблями у пояса. Только снежная пыль закрутилась за ними.

¹ В Москве церкви и дворцовые здания строились главным образом из белого камня.

«Что за люди?» — думал Микитка, взобравшись на сани.

Новые, такие же лихие всадники промчались мимо. Микитка заметил, что у каждого к седлу были привязаны метла и мёртвая собачья голова с оскаленными зубами. Все встречные опрометью бросились с дороги в стороны, в глубокий снег, и оттуда кланялись в пояс, срывая шапки, а всадники с гиканьем проносились мимо.

Микитка сидел в санях перепуганный, стараясь понять, что это за люди. Лошадь рысцей сбежала под горку и остановилась внизу, у мосточка. Там собрались другие возчики обоза.

— Кто это был? — тихо спросил мужиков Микитка.

— Опричники! Любимцы царя Ивана Васильевича, — ответил один, не раз бывавший в Москве. — Видел, у них метла на седле? Это значит, что они выметают изменников и ослушников царской воли. А ещё у седла собачья голова — это значит, они грызут, как собаки верные, всех врагов царских.

МИКИТКА ЗАТЕРЯЛСЯ

Вскоре Микитка оказался на высоком берегу реки, широкой, засыпанной снегом, блиставшей серебром под яркими лучами солнца. Вверх и вниз по льду тянулись обозы, скакали всадники, стягиваясь к воротам красноватой стены Кремля и далее к стенам и башням Китай-города. Особенно много виднелось всюду пеших и конных воинов, стрельцов в ярких синих и красных кафтанах с пищалями или бердышами на плече.

— Эй, паренёк, чего засмотрелся? Торопись и не отставай! Не ровён час — затеряешься. Уж город так

город: от заставы до заставы пройдёшь — не раз вздохнёшь!

Микитка очнулся. Мимо него шёл высокий молодец с русой бородкой, лихо заломив шапку на ухо, и, громко позванивая цепью, тащил за собой мохнатого бурого медведя. Сани, за которыми шёл Микитка, были уже далеко впереди. Он бросился их догонять, с любопытством оглядываясь на ручного медведя.

Обозы свернули на лёд. На берегу, по обе стороны дороги, тесно прилепились открытые ларьки. Чего только там не продавалось: расписные пряники в виде лошадок, резные игрушки, деревянные чашки, глиняные плоски, мороженые яблоки, калёные орехи, рукавицы, шапки, солёная рыба и горячие калачи — всё, чего только не спросит прохожий.

А толпа здесь была сплошная, народ валом валил в обе стороны.

С трудом Микитка догнал свои сани и, ухватясь рукой за оглоблю, шёл уже не отставая. Подъехали к каменным воротам с раскрытыми железными дверьми. Бесчисленные кони и пешеходы так сбили здесь снег, что саням пришлось ползти по брёвнам, положенным вплотную поперёк пути. Конь, надрываясь от натуги, едва вытянул сани и въехал под ворота.

За ними по сторонам толпились бородатые стрельцы с бердышами — топорами на длинных, в рост человека, топорищах. Они осматривали колючими глазами двигавшуюся толпу. Под воротами была особенная теснота.

Микитку оттёрли от саней. С трудом он пробрался наконец вперёд, отыскивая свои сани.

Внутри города, в узких улицах, сани двигались быстрее, а люди почти бежали. Справа и слева потянулись прилавки с нарядными и диковинными товарами: узорчатые сафьяновые сапоги десятками

Потянулись прилавки с нарядными и диковинными товарами.

висели на стене, а под ними, на лотках, всякие женские и детские сапожки, чёботки, валенки, и занятные живули¹, и сёдла, и конская сбруя, и перемётные сумы, искусно сшитые из разноцветных кусков кожи. А далее — платки всякой раскраски, с цветами и разводами, и рукавицы и варежки.

Глаза у Микитки разбежались, и он забыл о своих возах. Привыкший к мирной тишине деревни, здесь, на шумной, крикливой улице, Микитка растерялся и удивлялся всему: и людям в нарядных кафтанах и шубах, и вереницам саней, одних с поклажей, других с знатными, разряженными седоками. Особенно его поражали бесчисленные воины, стоявшие повсюду на поворотах улиц и возле больших каменных ворот.

Вдруг толпа хлынула обратно и бросилась в боковые улочки, а впереди послышались громкие крики: — Пади! Пади!

Сани съехали в сторону, к стенам домов. Улица расчистилась, показались стрельцы. Они шли по пять человек в ряд, длинной вереницей, за ними ехали всадники на разукрашенных конях. Далее — три больших белых коня, запряжённые гуськом, увешанные лисьими хвостами, везли сани. Переднего коня под уздцы вели два, должно быть, очень знатных человека, в высоких меховых шапках и шубах, крытых золотой парчой. На полозьях скользил обшитый красным сукном возок с маленьким окошечком в дверце. На дверце возка красовался вышитый золотом большой двуглавый орёл, раскрывший крылья.

— Пади! Пади! — услышал снова крики Микитка и заметил, что все бывшие на улице попадали на землю, скинув шапки, и уткнулись бородами в снег.

¹ Ж и в у л и — так в то время назывались детские куклы.

Микитка тоже сбросил шапку и опустился на колени. Он успел заметить в раскрытом окошечке чёрные нахмуренные брови, горбоносое бледное лицо с небольшой чёрной бородкой и пронизывающие, сверкающие глаза под надвинутой бобровой шапкой.

Когда толпа поредела и сани снова двинулись по дороге, Микитка побежал вперёд, разыскивая своих возчиков, но нигде их не видел. Он слышал, как все переговаривались:

— Сам царь Иван Васильевич сейчас проследовал: то ли на богомолье, то ли творить суд и праву.

Чем шумнее, чем люднее становилась улица, тем беспокойнее был Микитка: «Куда идти? Как найти своих?» Улицы загибались, по сторонам появлялись новые переулки, чередовались бревенчатые, изредка каменные дома; всюду были поставлены прилавки со всякой всячиной, где продавцы, и взрослые и мальчишки, зазывали прохожих:

— К нам милости просим с копейкой на восемь! Слову честному мы цену знаем и на деньги совесть не меняем!.. Выбирайте чего вашей душеньке угодно!

Микитка не знал, куда броситься, чтобы разыскать своих возчиков, и думал о грозном господском приказчике, который доложит боярыне, что паренёк Микитка сбежал. Тогда ему наденут на ноги железную цепь и на щеке выжгут калёным железом клеймо — знак беглеца.

В БОЯРСКОМ ДОМЕ

Когда княжича Никиту усадили в возок рядом с нянюшкой, мальчик сперва вырывался и ревел, отталкивая сладкие пряники, которые ему совали.

Он был поверх шубки завязан в пуховый платок, так что в щёлочки были видны только чёрные блестящие глаза. Дверца захлопнулась, все стали креститься; кони рванулись и потащили возок. Передний «вершник» на коне кричал и хлопал бичом, ямщик в санях гикал и посвистывал, сзади доносились окрики дядьки Филатыча:

— Легче! Сдерживай на поворотах! Не оброни княжеское дитё!

Встречные сторонились, видя нарядные сани. Быстро проносились мимо засыпанные снегом ели, почерневшие придорожные избёнки, старые вётлы, кривые мостки и унылые снежные поляны...

Через несколько часов, переехав по льду Москву-реку, сани поднялись по крутому откосу к воротам Кремля. Стрельцы спросили, кто и зачем едет, и возок двинулся дальше. Множество бревенчатых изб, каменных домов и небольших церковок в беспорядке теснилось, образуя узкие переулки. Дома были разукрашены яркими рисунками затейливых цветов и невиданных птиц, тянулись кверху башенками и кончались на гребне крыши петушками.

Проехав небольшой переулок, сани остановились возле больших дубовых ворот с иконой наверху. Дядька Филатыч, соскочив с коня, постучал железным кольцом, прибитым у калитки, и громко прочитал молитву.

— Аминь! — послышался ответ, и в калитке отодвинулась доска окошечка.

Оттуда всматривались недоверчивые глаза.

— Чего смотришь? Открывай ворота!

— Подождёшь! — ответил караульщик и зазвонил в небольшой колокол.

Открыв дверцу, он вышел в широком, шерстью вверх, собачьем тулупе до пят, с бердышом в руке. Сейчас же из дома выбежали слуги, распахнули

ворота, и возок со скрипом, топотом коней и окриками «вершника» въехал во двор. Злобным, хриплым лаем залились огромные лохматые собаки, привязанные на цепях.

Филатыч поднял Никиту из саней, нянюшка повела его за руку на крыльцо, оттуда — дальше, в сени деревянного дома, выстроенного из больших дубовых брёвен.

Слуги сняли с Никиты платок, шубу, валенки и развесили на деревянных гвоздях. Нянюшка достала из привезённого с собой сундучка узорчатые сафьяновые сапожки и надела их на ноги мальчику. Тот, дичась, испуганно посматривал на незнакомых людей.

— А Микитка уже приехал? — сердито спросил он у Филатыча.

— Едет Микитка, с обозом едет, кони у него не такие лихие, как у тебя. Пока подъедут гужом — и ночь настанет. Завтра приведу к тебе Микитку. Будешь с ним здесь во дворе кататься с гор на салазках.

Степенный старый дворецкий повёл прибывших через тёмную комнату, уставленную сундуками, и по деревянной скрипучей лестнице поднялся во второй этаж, в «горнее» (верхнее) жильё — горницу.

Горница была устлана персидскими узорчатыми коврами. Кругом стен были прикреплены лавки, крытые вышитыми суконными полавочниками. Стены позади лавок, в рост сидящего человека, были обиты красным сукном. В одной стене были вырезаны два косячатых окошка¹; в них были вставлены большие и мелкие кусочки слюды, расположенные красивым узором. А на каждом куске слюды были расписанные красками цветы, звери и птицы.

¹ Косячатое окошко — окно, боковые стороны которого скошены кверху.

Всё это Никита мигом разглядел, пока нянюшка, войдя в горницу, стояла, повернувшись к красному углу¹, увешанному старинными иконами в серебряных ризах, с несколькими горевшими лампадками. Нянюшка долго крестилась, клала земные поклоны, затем обратилась со словами:

— Мир вам и благодать! Жить вам, здравствовать и поживать много лет, боярыня Марья Григорьевна! Солнышко ты наше ненаглядное! По указу привезла я питомца вашего, князиньку Никиту Петровича. Очень уж матушка его убивалась, горевала, отпуская невинное дитё в чужую сторону на ученье-мученье. Лёгкое ли дело — оторвать младенца от забав детских!.. Подойди поближе, князинька Никита Петрович, поклонись в ножки боярыне Марье Григорьевне!

Никита нехотя и робко сделал шаг вперёд, покосился, затем поклонился в пояс, коснувшись концами пальцев пола, и поднял глаза на боярыню. На скамье сидела молодая женщина, густо набелённая, с прямой линией подрисованных бровей. На ней была просторная шёлковая одежда, расшитая узорами, и шапочка, убранная жемчужными нитями, с которой свешивалось прозрачное кисейное покрывало, откиннутое на спину. На узком длинном столе было разостлано бархатное платье, по которому золотыми и серебряными нитями были вышиты диковинные листья и цветы.

Хозяйка спокойным, ленивым взглядом осматривала мальчика:

— Вот ты какой, Никитушка! Борис Фёдорович мне говорил, что привезут сюда мальчика. И дьячку

¹ К р а с н ы й у г о л — почётный угол комнаты. Угол, в котором помещались иконы; перед ними горела неугасимая лампада с деревянным маслом.

одному приказал учить его книги читать и перьями гусиными писать. Дьячок уже и розог заготовил десять веников и указок¹ настругал связку. Дьячок тебя заставит твердить: «Аз-буки» да «аз-буки»! А нам нянюшки твердили, что бука — чёрная, страшная, со рогами, со хвостом — живёт за печкой и ночью ловит непослушных детей. Ну, Никита, чего же ты плачешь? Если бука придёт, мы её прогоним...

Никита отвернулся и утирал рукавом глаза.

— Полно! Подь-ка сюда. Теперь ты с нами жить будешь. Мы к тебе буку не пустим. Сегодня вечером блинков напечём и пирогов с вареньем, а завтра пойдёшь во двор с другими ребятами с ледяной горы кататься.

ГДЕ ЖЕ МИКИТКА?

Микитка шёл по кривым, узким улицам Москвы, следуя за прохожими, и всё ещё надеялся увидеть кого-либо из знакомых мужиков. Быстро темнело. Багровое солнце закатилось, и на красном небе чётко вырисовывались гребни и петушки московских домов. Ветер усиливался, закручивал и засыпал снежной пылью. Лавки с товарами закрывались, громко стучали двери и ставни, задвигаемые железными засовами.

«Куда мне идти? Куда деваться? — думал Микитка. — Пойти ли в Кремль, искать там князя Никиту? Или повернуть назад и пойти домой, в родную деревню? Обрадуются, поди, маманя и дедушка Касьян... А как же пройти так далеко ночью? И дорогу не найду, и на заставах задержат, и волки задержат...»

¹ Указка — аккуратно выструганная и раскрашенная палочка, которой ученик при чтении водил по строкам, не касаясь книги пальцами.

...Люди повсюду спешили, ускоряя шаги, а иные вовсе бежали с фонарями в руках. Скрипели закрываемые ворота. Микитка решил, что раздумывать больше нечего, надо поспешить в Кремль. Осторожно, крадучись вдоль стены, хотел он проскользнуть за спиной чернобородого стрельца, стоявшего с бердышом близ каменного свода кремлёвских ворот.

— Ты откуда прёшь, малец? — вдруг гулко прогремел зычный голос, и бердыш загородил ему дорогу. — Куда, глядя на ночь, как мышь пробираешься?

— Мне, дяденька, надо пройти к князю Никите Петровичу...

— Какому такому Никите Петровичу?

— Он сегодня приехал к своему дяденьке Борису Фёдоровичу и мне приказывал...

— Плетёшь ты, парень, неведомо что. Сейчас бродят только лихие, воровские люди, и их вылавливают караульщики, а честный люд лежит на печи. Ну-ка, заворачивай назад, откуда пришёл!..

Микитка пошёл обратно. А метель усиливалась; последние прохожие, покачивая фонарями, бежали, торопясь укрыться в тёплых избах. За ними побежал и Микитка. Люди скрывались в воротах, а темнота кругом казалась ещё черней.

Наконец людей на улицах уже не стало видно; где-то, с разных сторон, стали перекликаться караульщики. Гулко постукивали палки по доскам, задребезжали трещотки.

Микитка плёлся один по улице. Вдруг впереди путь ему загородила решётка. Чёрная тень выступила из снега, и хриплый голос пробасил:

— Эй, кто идёт? Берегись, рубану!

Микитка опять бросился назад, попал в боковой переулок, вышел на площадь. Пройдя несколько шагов, он понял, что это не площадь, а засыпанная снегом река с тёмной полыньёй посередине. С одной стороны глухо шумело колесо водяной мельницы и журчала где-то стекавшая вода.

Мальчик подошёл ближе. Около крыльца стояло несколько розвальней с кулями. Маленькие заиндеветшие лошади стояли неподвижно, низко опустив головы. Микитка заметил в стороне распряжённые сани с ворохом сена. Холод пробирал его, а в санях, казалось, так тихо и удобно укрыться от ветра. Осторожно забравшись в сани, Микитка зарылся в сено, свернулся калачиком и вскоре задремал под равномерный шум колеса мельницы и всплески падавшей воды.

ПОД ВОДЯНЫМ КОЛЕСОМ

Под утро плеск колеса и глухой грохот на мельнице затихли. Микитка очнулся от странной тишины... В чистом неподвижном воздухе прозвучал маленький колокол. Второй звонкий удар, третий,

четвёртый... Ещё удары, потом всё затихло. Послышались голоса совсем близко:

— Какой это колокол бьёт? Поди, не церковный?

— Это хитрое часомерье¹.

— На государевом дворе учёный мастер соорудил хитрейшую затею. Царь ему за то мешок серебра отсыпал. Часомерье вертится и звенит, в колокол бьёт и само размеряет и отстукивает часы дневные и ночные, а человека в нём не видать.

— А у нас на деревне пономарь зазвонит на колокольне — мы и знаем, что утро настало.

— А ежели проспит?

— Тогда за него петухи пропоют.

— Скоро и запрягать. Караульщики решётки отодвинут — тогда и поедем.

Голоса затихли, шаги проскрипели на крыльце, стукнула дверь на мельнице.

Микитка лежал в санях, боясь шевельнуться. Принесут мужики мешки с мукой — тогда его найдут. Добро, если только изругают, а то и побьют.

Осторожно выбрался мальчик из саней. В стороне раздался голос:

— Глянь-ка, Пахом! Кто-то в твоих санях шебаршит. Ещё гужи срежет...

Послышался топот шагов. Микитка вскочил, ощупью проскользнул вокруг мельницы, спустился по скату к воде и нашёл под сваями укромный уголок, не засыпанный снегом. Мужики сперва пошумели, потом угомонились.

Странный писк стал раздаваться около Микитки то в одном месте, то в другом. «Кто это? Крысы? Ещё загрызут!» Микитка уже ясно слышал шорох множества невидимых зверьков, бегавших вокруг него.

Застывшему на морозе Микитке казалось, что ут-

¹ Часы были в то время на Фроловской (позднее Спаской) башне.

ро наступает невыносимо медленно. Тучи на небе стали слегка розоветь. Мальчик, боясь пошевелиться, сжавшись в комок, продолжал сидеть на выступе между холодными сваями. Наконец он стал ясно различать, как отовсюду из щелей стены, среди щепок и мусора, показывались усатые мордочки с блестящими глазками. Большие серые крысы, стуча коготками по промёрзшей земле, торопливо направились протоптанными тропочками вниз к воде.

Наверху, на мельнице, застучали поднимаемые затворы, зашумела бежавшая подо льдом вода; медленно стало поворачиваться покрытое мшистой слизью старое, чёрное колесо, и все крысы понеслись обратно. Перескакивая одна через другую, они быстро скрылись в широких щелях мельничного подполья.

Стало совсем светло. На золотых крестах колоколен заиграли первые лучи солнца; с гамом закружились в небе стаи бесчисленных галок. Сани, нагруженные мешками с мукой, потянулись от мельницы; и рядом с маленькими лошадьми, покрытыми серебряным инеем, шагали возчики в рыжих полушубках и мохнатых шапках.

Микитка уж не чувствовал холода. Веки его слипались. Пёстрые звёздочки крутились перед полузакрытыми глазами. Удары бесчисленных колоколов гудели всё сильнее. Ему казалось, что он, завёрнутый в мягкую, тёплую шубу, сидит на коленях у матери и, припав к её тёплой груди, в дремоте слушает длинную сказку.

ПРОШКА СПОЛОХ, МЕДВЕЖАТНИК

В этот солнечный морозный день Прощка Сполох, поводырь медведей, сказочник и гуслиар, проходил вдоль речки Неглинной, огибавшей красную

кирпичную стену Кремля. Он вёл за собой на цепи большого бурого медведя.

Сполох прошёл вдоль большого Неглинного пруда, сдерживаемого плотиной. Сюда съехалось много саней с зерном, ожидая очереди нести кули для помола на мельницу. На дороге около просыпанного зерна ссорились чёрные галки.

Сполох подошёл к возчикам:

Эй, хозяйева, родные, ненаглядные! Посмотрите, как дядя Прошка в обнимку с медведем борется...

В эту минуту сбоку налетела стая дворовых собак; надрываясь от лая, собаки набросились на медведя. Медведь сердито ревел, метался то вправо, то влево, собаки отлетали в сторону. Одна собачонка, видно, больно его куснула; Мишка с такой быстротой обернулся и хватил её лапой, что собака покати-лась вниз по косогору, прямо к воде. Медведь с рёвом метнулся за ней и потащил за собой Сполоха. Собачонка, поджав хвост, понеслась со всех ног прочь, к своей подворотне.

Тут медведь, повернувшись, встал на задние лапы, обняв передними одну сваю, подпиравшую мельничный помост, и стал что-то обнюхивать. Сполох остановился и заметил на выступе между сваями застывшего, съёжившегося мальчика.

— Кого это мне послал леший? Если жив, сделаю его сотоварищем моему Мишке.

Сполох осторожно снял беспомощное тело Микитки и посадил на мохнатую спину медведя.

— Держись крепче! — сказал он мальчику. — Со мной не пропадёшь. Вижу: ты такой же, как и я, бездомный сынок крестьянский. Пойдём мы с тобой по базару, прямо на тёплые воды к дяде Назару — сбитню горячего покушать, речей весёлых послушать. Там мы разогреемся, как в знойный день, и встать-то

нам будет лень! Вези-ка, Мишенька, мальчика, получишь за это мясца!

Микитка в полусознании вцепился в бурый пушистый мех, а медведь, переваливаясь на косяпаых коротких ногах, поплёлся рядом с посвистывавшим поводырём.

НИКИТА ПРИСТУПАЕТ К ТРУДНОМУ ДЕЛУ

Вечер княжич Никита просидел в горнице Мары Григорьевны, слушал песни и сказки санных девушек, ел блины и пироги и не помнил, как его уложили спать на лавке.

Однако утром Никите не пришлось спать сколько вздумается, как он привык в родной усадьбе. Дядька Филатыч растолкал его:

— Борис Фёдорович к себе требуют! Подымайся! Сейчас!

— Ой, не пойду! — промычал Никита. — Спать охота!

Филатыч не уговаривал мальчика, как обычно, а встряхнул его и нарочито страшным голосом прохрипел:

— Ты оставь свои потягушеньки! Ты теперь в избе у царского опричника Бориса Фёдоровича Годунова! Тут шутить не любят и с тобой возиться не станут. Коли Борис Фёдорович приказал, так сейчас же беги явиться перед его светлые очи!

У Никиты сон разом прошёл, и он без споров позволил Филатычу одеть его, умыть холодной водой над деревянной лоханью и расчесать волосы гребнем из рыбьего зуба¹. Затем Филатыч быстро повёл

¹ Рыбий зуб — так назывались изделия из моржовых клыков, привозимых издавна с Белого (Студёного) моря.

мальчика по лесенкам и крытым переходам в другую, смежную избу.

Они переступили высокий деревянный порог и вошли в комнату с узким длинным столом. По сторонам его, на скамьях, сидело несколько важных бояр в богатых собольих шубах и высоких бобровых шапках.

В глубине комнаты, около красного угла, сидел на стольце (табуретке) совсем молодой боярин с чёрными глазами. Он говорил, приветливо обращаясь к гостям, сидевшим неподвижно и безмолвно:

— Нашим ребятам нужно книжное обучение. Они и сказать и ступить по-писаному, по-учёному не умеют. А им придётся государеву службу нести. Царство наше в два раза выросло и всё растёт и приумножается. Нашим мальчикам придётся быть и правителями, и воеводами, суметь и царские указы прочесть, и на бумагах свою подпись начертать.

— Вестимо дело! — сказали гости.

— Если же им придётся с иноземцами дело иметь, то, выросши, они должны знать, что им сказать, а о чём умолчать.

— Что верно, то верно!

— Поэтому великий государь Иван Васильевич...

При упоминании имени царя боярин встал, и все гости поднялись с мест и степенно сняли свои меховые шапки, постояли, потом опустили на скамьи и снова надвинули шапки.

— Поэтому великий государь приказал боярских малолетних сынков собирать и отдавать учёным доброписцам, чтобы те их обучали книжному чтению и искусному письму. В первый черёд я призвал вас, чтобы вы привели ваших сынков и внучат для обучения их грамоте. Вызвал я сирот и питомца моего — княжича Никиту. Вот, не он ли стоит?

— Кланяйся в пояс! — шепнул Никите Филатыч и подтолкнул его в спину.

Никита сделал поясной поклон и снял шапку. Один из гостей сказал:

— Привели и мы наших молодцов. В сенях твоего приказу дожидаются.

— А ну-ка, любезный,— обратился Борис Фёдорович к Филатычу,— кликни, чтобы вошли сюда ребяташки!

Филатыч открыл низкую дубовую дверь и сделал знак рукой. В комнату один за другим вошли несколько мальчиков девяти-десяти годков в долгополых кафтанчиках, держа в руках меховые шапки.

— Пусть войдёт также и мастер.

В комнату вошёл, откашлявшись, коренастый человек с суровым лицом и длинными, до плеч, волосами. Чёрной до полу одеждой он походил на монаха. На широком кожаном поясе сбоку висела медная чернильница и пучок гусиных перьев, перевязанных красной шерстяной ниткой. Под мышкой он держал несколько книг в жёлтых кожаных переплётах и остроконечную меховую шапку.

Поклонившись сперва хозяину, потом гостям, мастер нараспев провозгласил:

— Мир и благолепие дому сему! Много лет здравствовать хозяину Борису Фёдоровичу и его пресветлой хозяйшке, молодой боярыне Марии Григорьевне! Пришёл я сразу по твоему приказу, верный твой слуга, Кузьмишка-грамотей. Скажи, чем могу послужить, твою милость заслужить?

Борис Фёдорович, внимательно осматривая вошедшего учителя, сказал:

— Искал я дьяка доброго, искусного в наставлении грамоте, чтению и письму, чтобы от него толк для ребят получился. А то проучится мальчонок год,

и два, и три, а как отойдёт от мастера, то еле-еле бредёт пальцем только по одной заученной книжице, а другую, незнакомую, и не знает, как прочесть. Указали мне сведущие люди на тебя, Кузьма, как на отменного грамотея и книжника. Возьмёшься ли ты ребятшек наших учить?

— Учить бы я рад, да малые дети, особливо боярские, не любят послушания. Коли твоя милость мне разрешит против ленивцев и грубиянов иметь розгу и витень — ремень, плетью закрученный, то я возьмусь ребят учить. Розга здравую не вредит, аще бьёт, но не ломает кости, а детишек отставляет от злости. Ремень разум в голову детям вгоняет, а родителям послушны дети сотворяет...

Хозяин лукавым глазом подмигнул степенно сидевшим родителям и, взглянув на мальчиков, испуганно выстроившихся вдоль стены, сказал:

— Пусть и будет так, как ты говоришь! Поучай их всяким добротам и их постарайся приохотить к книжному учению. У меня во дворе есть для тебя изба, в ней уже заготовлены и скамьи, и стол, и полки, и книжицы. В эту избу вы идите и с богом начинайте трудное, но светлое дело.

Учитель поклонился и сказал:

— Дозволь, государь, твоему людишке, мастеру Кузьмишке, ещё слёзное моление вымолвить. Прикажи твоему домоправителю от квасорассоленных плодов запасцу отсыпать и от пресветлые твоя трапезы говьяда или свининки выдать.

— Это ты получишь.

— Со всеми сими желаем и птах водоплавных, и млека постоялого, сиречь сметаны, и масла, из семян конопляных изготовленного, для лампы...

Борис Фёдорович сперва сдвинул брови, но сейчас же лицо его просветлело, и он спокойно сказал:

— Помните: «Корень ученья горек, а плоды его сладки!»

— Будут тебе и птахи, и масло древесное, и сметана, сделай только ребят разумными и книжными.

Потом он повернулся к мальчикам:

— Никита, подойди-ка сюда!

Никита робко приблизился. Боярин вынул из-за пазухи искусно обточенную токарем и ярко раскрашенную палочку и вложил в руку мальчику:

— Вот тебе указка, чтобы ты грязным пальцем твоим не водил и не пятнал светлые листы драгоценной книжицы, а указывал в ней буквы этой нарочитой указкой.

Все отцы также вынули палочки, заблаговременно для торжественного дня завёрнутые в цветные платки, и каждый дал своему сыну указку и в придачу медовый пряник в виде конька, облитого сахаром, чтобы слаще начиналось ученье.

— Слушайте вашего нового учителя, мастера Кузьму Демьяныча, и не ропщите на его тяжёлую руку, если она будет вас стегать! — говорили отцы. — Помните: «Корень ученья горек, а плоды его сладки!»

Затем, поклонившись Борису Фёдоровичу, ребята гурьбой вышли из избы вместе с их новым мастером.

ПОЕЗДКА ЗА «ПОТЕШКАМИ»

На другой день был праздник, и поэтому учитель Кузьма Демьяныч не приступил ещё к ученью.

Днём Марья Григорьевна заявила, что хочет прокатиться по Москве, и приказала привести несколько мальчиков, живших тут же во дворе. Пришло шесть мальчиков в долгополых кафтанчиках. Они уселись рядом на скамье. Никита заметил, что один из них дичился и держался в стороне от других, у него было смуглое лицо и узкие, слегка скошенные

чёрные глаза. Татарский мальчик понравился Никите, и он подошёл к нему:

— Меня зовут Никита, а как тебя?

— Был раньше Утемиш, а теперь Ляксандра. А ты тутешний? Раньше тебя здесь я не видел.

— Нет, я недавно приехал. Давай дружить.

— Давай.

— Снегирей сеткой ловить умеешь?

— Не! Я умею охотиться с соколом, чтобы им бить уток. А ты умеешь ли на коне скакать вперергонки?

— Это и я сумею. А кто эти другие мальчики?

— Княжата — сироты: у них также тятки и мамки либо померли, либо на войне пропали.

Пришла Марья Григорьевна в меховой просторной шубе, крытой золотой парчой.

— Идите садитесь в возок. Мы проедем по Москве, и каждому из вас я подарю по потешке¹.

Дядька Филатыч одел Никиту. Другие слуги одели и повели мальчиков. Спустились с крыльца во двор. Там стояли два возка, убранных снаружи и внутри сукном и цветными татарскими тканями. В возки были запряжены большие белые кони, украшенные лисьими хвостами и бубенцами. Никита влез в возок Марьи Григорьевны, где перед ней сидели на скамеечке две девочки, тоже сиротки, а в ногах уселась нянюшка. В другом возке поместились мальчики и Филатыч. Сзади возков на полозьях уцепились слуги. Другие слуги бежали впереди.

Ехали медленно, пробираясь узкими улицами Кремля. Слуги кричали, разгоняя встречных.

— Приехали на Пожарную площадь², — сказал

¹ Потешка — игрушка.

² Красная площадь в то время ещё не имела этого названия, а звалась «Пожар».

Филатыч, подходя к окошечку. — Куда, государыня, прикажешь прибыть?

— Остановиться около потешного ряда.

Сани проехали дальше мимо торговых рядов — суконного, овощного, калашного — и остановились около потешного ряда. На прилавках и на стенках лавок были разложены и развешаны всевозможные занятные, любимые детьми игрушки. Сейчас же прибежали продавцы и принесли в корзинах много всяких самых заманчивых детских потешек.

Они наперебой показывали и расхваливали свой товар:

— Вот кожаные птички, деревянные коньки, баранчики! Взгляни, боярыня, на жбанцы и горшочки, и мячики из кожи склеены! Вот котики усатые и зайчата — пострелята меховые! Топорики оловянные! Колокольцы, олени, петушки, мужики деревянные, стрельцы с барабанами и знамёнами!..

Марья Григорьевна выбрала для Никиты потешный возок с тройкой коньков деревянных, а для Утемиша — кораблик на колёсах с цветными парусами.

Другим мальчикам были также подарки: пушка деревянная, сабелька с цепочкой, потешный конёк на стоянце деревянном с колёсиками, удалой новгородский богатырь, что орешки зубами щёлкает, два козелка рожками бьются, мужик с медведем по наковальне молотками колотят.

Затем возки проехали к овощному ряду, где Марья Григорьевна купила для всех детей по морковке, репке и горсти орешков, по мороженому яблоку «резань» и по румяному калачику. Дети, довольные угощением, показывали друг другу подарки, когда возки, проехав ещё по людным улицам, снова остановились и Филатыч в окошечко сказал, что приехали на базар, где сейчас все увидят, как играют и потешают народ скоморохи.

ТОРГ НА ЛЬДУ

Возки с ребятами приехали на берег Москвы-реки и попали в самую гущу народа, в шум и суматоху. Гремели барабаны, дикими звуками надрывались длинные трубы, пищали сопелки, завывали дудки и волынки.

Кони подъехали к деревянному балагану. Раскрыв дверцу, боярыня осталась с обеими девочками в возке, а все мальчики влезли на деревянные ящики и оттуда смотрели на всё, что делалось вокруг.

На льду реки выстроились длинные ряды ларьков со всевозможными товарами. Влево тянулся рыбный ряд, где стояли, прислонившись к стенкам балаганов, огромные мороженые осетры, белуги и всякие чудовищные рыбы, привезённые с Волги, с Бела-Озера и Студёного моря.

Между рядами ларьков образовалась широкая площадка, оцепленная стрельцами, сдерживавшими с помощью толстой верёвки напиравшую толпу. С одной стороны площадки, за верёвкой, был деревянный помост с несколькими скамьями, а посредине его находилось высокое затейливое кресло со скамеечкой, обтянутое алым бархатом и обшитое золотыми и серебряными позументами. Это было место для царя, в случае если государь Иван Васильевич пожелает посмотреть игрища и бои молодецкие.

А дальше, позади балаганов и ларьков, посреди реки протянулась дорожка, и по ней вперегонки проносились коньки-бегунцы, запряжённые в лёгкие саночки: это состязались удальцы — охотники до конских бегов.

По обе стороны площадки подымались две высокие, из жердей сложенные башенки; с их вершущек, высоко над толпой, тянулся толстый пеньковый канат.

Наверху на башенках в пёстрых, затейливых одеждах и в остроконечных колпаках с бубенчиками прыгали и метались диковинные люди.

— Это канатные плясуны — метальники, объяснял Филатыч. — Сейчас ты увидишь, какие чудеса и выкрутасы они могут выделывать на канате.

Один метальник, держа в руках длинный шест, осторожно ступая, двинулся вперёд по канату. Когда он дошёл до середины, канат стал раскачиваться, метальник зашатался и каждое мгновение мог сорваться с высоты на землю.

Трубы замолкли, на верху другой башенки, к которой направлялся канатоходец, появился старик с длинной мочальной бородой и закричал:

— Эй, Ванюшка, чего зашатался? Стой, милый, сизокрылый! Не торопись, милый друг! Вишь, какой у всех на лицах испуг.

— Да и я оробел, ей-богу! Спешу мне на подмогу! До твоей беседки не близко, а здесь с морозу склизко.

— Постой, Ванюша! Маленько продержись! — отвечал ему дед. — Вот идёт Прошка-поводырь. Ведёт из лесу лекаря. Коль расшибёшься, он тебе горячую припарку поставит.

Послышался рёв, и на площадку вывалился скоком большой мохнатый медведь, звеня цепью, конец которой был продет ему через нос. За медведем шёл высокий, лихой, молодой поводырь:

— Постой, постой, Потапыч! Куда тебя несёт леший? Взгляни-ка, какой тебе окорок подвешен! Лови его скорей!

А канатоходец, увидев медведя, закричал:

— Батюшки-светы! Нигде спасенья нету! Пропадай моя головушка, медведь меня задерёт! — Он высоко подпрыгнул, оборвался и ловко зацепился за канат ногой, повиснув головою вниз.

Медведь, сопя и обнюхивая, встал на дыбы и размахивал передними лапами, точно собирался поймать канатоходца.

Но тот, быстро подтянувшись, снова вскарабкался на канат и, легко по нему скользя, ушёл на верхушку башенки.

Старик с мочальной бородой опять начал выкрикивать:

— Ну-те, ребятушки, встряхнитесь, встрепнитесь! Поглядите, как крестьянский богатырь Прошка Сполох горит, как порох, никого не боится и будет с медведем биться.

Около поводыря появился мальчик в колпаке с погремушками и стал наигрывать на дудочке-сопелочке. Медведь начал выделывать разные штуки, а поводырь над ним подшучивал.

— Гляди, народ честной, перед тобой зверь лесной! Зиму и лето ходит в одной шубе боярской, как хан татарский,— приговаривал Прошка.— Ну-ка,

Мишенька, дай сперва тебе на пряники насобираем, а потом народу покажем, как русский мужик с медведем в обнимку борется. Не жалейте, ненаглядные! У вас денег куры не клюют, на полу они валяются, с сором выметаются.

Мальчик с дудочкой снял колпак и, позванивая им, стал обходить зрителей, собирая деньги. Никита схватил Филатыча за руку:

— Глянь-ка, Филатыч! Этот дудочник — мой Микитка!

— Ах он пострелёнок! Вот он куда от своего господина сбежал — скоморохом заделался! Теперь уж он от меня не скроется!

Микитка, не дойдя до возка, вернулся на площадку, где медведь, встав на дыбы, пошёл навстречу поводырю.

— Айда, хан Мамай, меня не замай! — говорил Сполох, ловко увёртываясь от медведя. — В лесу ты, поди, всем зверям — грозный царь, а у нас ты бесовский пономарь. Покажи-ка здесь свою силушку!

Медведь ревел, размахивал лапами, стараясь ухватить поводыря, но тот отлетел, дразня зверя. Вдруг Сполох прыгнул на медведя, ухватил его за правую лапу, поддел под плечо и, дав подножку, разом опрокинул на спину в снег.

Толпа загоготала, а Сполох поставил ногу на медведя, притворившегося мёртвым:

— Вот, грозный лесной царь, расшиб ты себе лоб, а свалил тебя твой же холоп. То-то же, милые, ненаглядные! Придут ещё и для нас деньки отрадные! Ну-ка, Потапыч, не плачь, скушай лучше калач!

Сполох вытащил из-за пазухи большой пряник и всунул в пасть медведю. Тот разом очнулся и, чмокая, стал его уплетать. Народ со всех сторон

— Глянь-ка, Филатыч! Этот дудочник — мой Микитка!

повалил на площадку, а Филатыч, крепко ухватив Микитку за руку, увёл его вместе с ребятами. Сполох же с медведем быстро скрылись в толпе.

ШКОЛЬНЫЙ «КОЗЁЛ»

Микитка, уцепившись за возок и стоя сзади на полозьях рядом с Филатычем, приехал в Кремль, на боярский двор Бориса Фёдоровича.

Филатыч провёл Микитку в людскую избу, гдестряпухи готовили еду для многочисленных дворовых людей. Здесь Филатыч, опустившись на лавку, поставил Микитку перед собой:

— Ну, сказывай-рассказывай: своей ли волей али чужой хитрецей ты попал к скоморохам?

Микитка рассказал, как в Москве его толпою отёрли от саней, как он попал на мельницу, что близ Неглинного пруда, как он замерзал, а Прошка Сполох его снял, увёз на спине медведя и отогрел.

— В лесу бы я не заблудился, — говорил, всхлипывая, Микитка. — В лесу я все тропочки знаю. А Москва велика. Спрашивал я стрельцов, как пройти к князинеке Никите Петровичу, а они меня гнали: «Иди, откуда пришёл!»

— Боюсь, что тебя отстегают за побег... Не забывай, что своей воли холопской у тебя нет, — сказал Филатыч.

— Ты уж, Филатыч, его пожалей и не стегай! — заступились стряпухи.

— Только ради твоей матери да деда Касьяна — мы с ним не раз вместе на охоту ходили — я тебя перед боярином отстою. Тебе здесь особое дело будет: на дудочке тебе играть не придётся, а начнёшь с другими ребятами к учёному дьяку ходить и делать всё, что тот прикажет. А теперь забирайся на

печь и лежи там, как таракан, чтоб тебя и не слышно было!

Рано утром стряпухи накормили Микитку, а затем Филатыч повёл его с собой к крыльцу боярского дома.

Сюда пришли несколько мальчиков, среди них был Никита. Все пошли гурьбой через двор, держа в руках завернутые в красные платки рукописные книжицы. В тихом морозном воздухе звонко разносились их голоса:

— Сердитый наш мастер! Грозится учить нас, сыновей княжеских, как простых поповских сынков,— розгой и ремнём плетным! Я ему не дамся!

— И я не позволю сечь меня! Пусть сечёт холопов!

В глубине двора все остановились перед небольшой избой. Тускло светилось оконце, запорошённое снегом. Ребята вошли на крыльцо, стуча ногами, обивая снег. Но все как-то оробели, голоса стали глуше, говорить начали шёпотом. Постучали в дверь. Открыла её толстая женщина, выходящая с ведрами.

— Входите, гости долгожданные, голуби желанные! — сказала она певучим голосом.— Сам в избе сидит и перья гусиные чинит.

В сенях толкнули низкую скрипучую дверь. Вошли в небольшую комнату и остановились у входа. В красном углу висели три старые иконы, освещённые горячей лампадкой. Длинные скамьи тянулись вдоль стены. Посреди стоял длинный узкий стол в две доски. Слюдяное окно, низкое и широкое, с настывшим льдом, пропускало тусклый свет.

К стене была прибита деревянная белая полка, где лежали рукописные книги. Под нею висели две ремённые плети и связка берёзовых веток. Сбоку

при входе стояла на табуретке деревянная лохань с водой; в ней плавал деревянный ковшик.

Учитель в меховой шапке и бараньем полушубке сидел на скамье в красном углу. Перед ним на столе лежали большая книга в кожаном переплёте и много белых гусиных перьев. Как будто не обращая внимания на вошедших ребят, он поочерёдно брал перья и обрезал их наискось острым ножичком.

Мальчики стояли, с любопытством рассматривая учителя и подталкивая друг друга локтями. Кто-то хихикнул. Филатыч им шепнул:

— Поклонитесь мастеру Кузьме Демьянычу и скажите приветное слово.

— Здравствуйте, Кузьма Демьяныч! — вразброд крикнули мальчики.

Учитель медленно стал поворачивать строгое лицо с жёсткой прямой бородой и уставился на ребят. Опершись на стол кулаками, он так же медленно, не спуская глаз, начал подниматься и вдруг гаркнул:

— Снять шапку, когдаходишь к своему учителю!

В его руке мелькнула длинная гибкая трость и быстро ударила по головам и плечам ребят. Все торопливо сдёрнули шапки и поклонились в пояс.

Потом отчётливо, нараспев, учитель стал говорить:

— В школу с молитвоюходи и тако же из неё, молясь, выходи. Повернитесьлицом ко святым образам. Совершите крестное знамение трижды и поклонитесь до земли. Да поживее! — восклицал он, ударяя тростью и наблюдая, как все мальчики опустились на колени и трижды коснулись лбом пола.

— Станьте рядком на половой доске! Кто великовозрастен, тот будет подальше от меня, а малыши, недоростки — поближе. А ты кто будешь? —

обратился учитель к Микитке, остановившемуся около двери.

— Я дворовый князя Никиты Петровича.

— Это мой холоп! — подтвердил, надувшись, Никита.

— Так ты, коли холоп, около двери и оставайся. Будешь мне избу мести и лохань с застоялой водой выносить. А вы, боярские сынки, шапки на гвоздях древесных развесьте и чинно на скамью садитесь! — Он постучал согнутым указательным пальцем по лбу севшего с краю мальчика и сказал: — Указанное тебе учителем место береги, чужого места не занимай и товарищей своих не утесняй!

Мастер сел на своё место в красном углу, в конце стола, раскрыл большую рукописную книгу и подождал, пока все мальчики положили перед собой тоже рукописные книжицы и рядом с ними указки. Один мальчик раскрыл книжку и положил в неё указку. Учитель сейчас же ударил его концом трости по уху:

— Книжицы ваши добре храните и указательные деревца¹ в них отнюдь не кладите. Книги свои не очень разгибайте и листов в них напрасно не перебирайте. Книгу аще кто не бережёт, таковой души своей не стережёт.

Мальчики сидели неподвижно, с опаской поглядывая на учителя. Всё в нём казалось необычно: и всегда суровое спокойное лицо, и гибкая трость в руке, и слова, которые он говорил по-особенному, как в церкви.

— Едино из вас я в старосты изберу и вас ему в повиновение приведу. Ты будешь староста! — Он ткнул тростью в грудь самого старшего мальчика, сидевшего с краю. — Принесённые с собою книжицы,

¹ Указательное деревцо — указка.

уходя из избы, старосте сдавайте. А ты, — сказал он старосте, — их в уготованное место на этой полке благоискусно полагай. Утром, когда ваша дружина придёт, каждому его книжицу отдавай.

Стемнело. Учитель достал с полки деревянный подсвечник с сальной свечой, зажёл её и поставил в конце стола:

— Если все вы в приказаниях моих пребудете, то никогда от меня избиенны не будете. Теперь, наставив ко вниманию ухо, тихо слушайте. Начинается первый урок. Сидите смирно, не празднословьте, не смейтесь, глазами не поводите туда и сюда, точно зачумлённые.

Учитель положил перед собой гладко обструганную белую дощечку и углем написал на ней большую букву «А».

— Первым начинается вам сей зримый знак «аз». Потом и на прочие пойдёт вам мой указ. Как зовётся сей знак? Скажите!

— Аз! — воскликнули мальчики.

— А этот другой зримый знак есть «буки». — И учитель написал рядом на доске букву «Б». — С этим знаком «буки» вы одолеете хитрость науки. Повторите громогласно за мной: «буки» и «аз» изрекаются «ба»...

Все мальчики громко прокричали:

— «Буки» и «аз» изрекаются «ба»!

Микитка, стоя у двери, поводя блестящими пытливыми глазами, внимательно слушал всё, что говорил учитель и что повторяли за ним мальчики; но сперва он ещё плохо понимал, в чём здесь «грамотная хитрость». «Неужели боярские сынки осият эту хитрость, — думал он, — а мне этой грамоты не одолеть?» Он за всем наблюдал и стоял не шелохнувшись, хотя спина от неподвижного стояния начала ныть, а от двери тянуло холодом.

— Теперь, наставив ко вниманию ухо, тихо слушайте.

Некоторым мальчикам скоро надоело повторять за учителем его наставления: «Веди» и «аз» — «ва», «глаголь» и «аз» — «га»!» Никита зевал во весь рот, а Утемиш, плохо понимая, что говорил учитель, старался повторять его слова. Никита закрыл глаза: дрёма одолевала его. Сосед его ущипнул. Никита подскочил и вскрикнул. Трость учителя сейчас же хлопнула по головам Никиты и его соседа.

Кузьма Демьяныч закричал:

— Слышу я шум и крик бесполезный, а за сие будет ваш плач слезный! Кто урока данного не изучит, таковой свободного выхода из школы не получит. А кто упирается во зло, тот на школьном полежит козле.

— А где он? — спросил Никита.

— Все вы у меня положите на козле. Одначе, чтобы вы все устрашились, я сперва холопского сына на козла положу.

Учитель отодвинул от стены небольшую скамейку. Свирепо поводя глазами, он схватил за плечо Микитку и толкнул к скамейке:

— Сядь вершиником, спустя ноги по обе стороны. Руки тоже спусти и теперь обхвати скамейку.

Микитка улёгся животом на скамью, охватив её руками и ногами. Кузьма Демьяныч снял со стены ремённую плеть, засучил до локтей широкие рукава и стал с кряканьем стегать по спине Микитку. Тот, перепуганный, не смея вскочить, при каждом ударе извивался, наконец закричал:

— Ой, маменька!

А учитель, ударяя, приговаривал:

— Внимайте, отроки, как школьный козёл блет. Заблеял раз, заблеял два — просветлела голова. А коли молчит на козле, значит, упорствует во зло. И хотя вас я знаю, как боярских сынков, а я вас всех выдеру, как щенков. Выдеру, ей-ей, как этого

сидорова козлёнка, и будете вы тоже бляеть, и рыдать, и маменьку призывать. Старые люди мудро учили: «За битого двух небитых дают, и то не берут»...

Вдруг Утемиш, стуча кулаком по столу, закричал:

— Зачем мальчонку биешь?.. Не надо биешь!

Тогда Никита громко заплакал и, захлёбываясь от слёз, тоже закричал:

— Не бей Микитку!

Учитель, удивлённый, оставил стеганье; нахмурив брови, посмотрел на Утемиша и Никиту и сказал:

— А вы чего раскричались: ты, благоумный отроче, и ты, слезоточивый младенец! Вы оба хотите вашего мастера поучать? Будете сами сечены и розгой и бичом. Раны, мною нанесённые, добро детям приносят и не мерзостны, а сладостны, кротости и мудрости вас научая. Вставай, бляющий козёл, и передохни.

Микитка слез со скамьи и уткнулся в угол около печки.

Кузьма Демьяныч провозгласил:

— Теперь свершите перед святыми образами молитву и ступайте обедать. Да остерегайтесь дома рассказывать, что здесь видели и слышали. Словесного сору из избы не выносите, иначе все на школьном козле полежите. После обеда, как старые люди учили, часок подремлите, а затем приходите сюда опять. Учиться будем до вечера.

Ребята разыскали свои шапки и, радостные, хотели гурьбой выбежать из избы, но мастер стал в дверях и по одному их выпускал, наставляя:

— Поклонитесь в пояс, прощенье от мастера получив. Из школы выходя, тихо и благоискусно двери за собою затворяйте и в благонравии шагайте!

МИКИТКУ ПОСЫЛАЮТ К КНИГОПЕЧАТНИКУ

Прошёл месяц, другой, миновали февральские морозы, в марте стало сильнее припекать солнце, растаяли лужи и потекли ручейки; ночью же морозы снова затягивали всё льдом. Стали москвичи лёд колоть на реке и набивать им погребя, а со всех дворов на Москву-реку вывозить мусор, навоз и всякую заваль: всё нечистое весенним ледоходом вынесется далеко от столицы.

Микитка по-прежнему ходил в школу к мастеру, был там на побегушках, но на школьном «козле» учитель драл уже не только его, а поочерёдно всех мальчиков и применял для наказания и плеть, и розгу, и трость. Микитка обычно сидел на скамье близ печи, внимательно слушал учителя, про себя повторял то, что громко выкрикивали другие ребята; чертил угольком где попало буквицы, составляя из них слова.

В свободное от школы время Микитка играл во дворе с боярскими ребятами, но был для них ярыжкой: они с ледяной горы катались на салазках, а он им салазки навёрх таскал; они из луков в чучело войлочного немчина стреляли, а Микитка им стрелы собирал и подносил.

Однажды по двору проходил Борис Фёдорович, а около него, на полшага поотстав, шагал Филатыч и упрашивал пожалеть Микитку: «Каждый раз его мастер без вины порет!»

— Микитка, поди-ка сюда! — крикнул Филатыч.

Микитка, с шапкой в руке, подбежал, испуганный, красный, и поклонился в пояс.

— Ты тоже к мастеру ходишь? — спросил Борис Фёдорович, всматриваясь в него чёрными пытливыми глазами.

— Вместе с князинькой хожу. Избу веничком

подметаю, воду из кадки выливаю и приношу из колодца свежую.

— А ты сам чему-нибудь научился?

— Буквицы выучил и молитвы «перед ученьем» и «после ученья».

— А ну-ка, скажи мне подряд всю азбуку.

Микитка, робея, стал говорить:

— Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть... — и так досказал до конца.

— А начертать буквицы умеешь?

— Могу, — ответил Микитка и, подняв ветку, написал на снегу: «Баран бодает», «Галка чёрная».

— Ты, я вижу, молодец! — похвалил Борис Фёдорович. — Сегодня же ты, Филатыч, отведи этого паренька в Китай-город. Спроси там государев Печатный двор. На этом дворе ты найдёшь печатника дьякона Ивана Фёдорова. Скажешь ему, что мальчик я прислал. Ступайте оба немешкотно!

Микитка съёжился, посматривая испуганными глазами, и думал: «Печатный двор? Это, поди, будет ещё хуже, чем школьный козёл. Здесь, в школе, просто плетью драли, а там, верно, будут припечатывать горячим железом».

Филатыч с Микиткой отправились искать Печатный двор. Когда вышли из ворот боярской ограды, Микитка оглянулся. Много месяцев он пробыл в этом боярском доме. Его никуда не выпускали, думая, что он сбежит, и так и прозвали «Микитка-бегунок».

— Чего остановился? Али о школьном козле стосковался? Иди, не отставай! — сказал Филатыч и взял Микитку за руку.

В этот день было по-весеннему тепло. Филатыч решил показать Микитке, откуда подают воду в Кремль.

Узкие улицы были залиты жидкой грязью, повсюду виднелись широкие лужи. Прохожие, теснясь,

пробирались по дощатым мосткам или, подобрав полы одежды, шагали прямо по лужам.

Сперва Филатыч с Микиткой спустились к Москве-реке. Лёд высоко поднялся и растрескался, повсюду появились тёмные полыньи.

— Ишь ты, как красавица река надулась! — сказал Филатыч. — Осерчала, того и гляди, ледоход начнётся.

Все балаганы и торговые лотки на площади были уже убраны.

На льду громоздились кучи снега, груды брошенных старых, гнилых досок и всякого мусора, вывезенного со дворов.

Филатыч прошёл по берегу до деревянной башни, которая поднималась выше кремлёвской стены. Башня имела три огромных колеса, утверждённых на железных скрепах. Каждое колесо вертели колодники в отрепьях, скованные цепями. Первое, нижнее колесо захватывало из реки воду с помощью деревянных черпаков и поднимало эту воду на площадку, где вода выливалась в большую кадку. Отсюда второе колесо черпало эту воду, поднимало на вторую площадку и выливало в другую кадку, и, наконец, третье колесо поднимало воду на верх башни, откуда она по желобам и деревянным трубам переливалась в водохранилище кремлёвского дворца.

Долго дивились они, как закованные люди, напрягаясь изо всех сил, толкали огромные колёса.

Потом Филатыч и Микитка повернули назад и вскоре вошли в ворота Китай-города.

На небольшой площади, на каменном помосте, бирючи¹ с нашитыми на груди двуглавыми орлами

¹ Б и р ю ч и́, или г л а ш а́ т а и, — люди с особенно громким голосом, возвещавшие на площади с помоста населению новые указы.

— Где государев Печатный двор? — спрашивал Филатych.

зычными голосами выкрикивали новые царские указы. Народ теснился вокруг. Разговоры в толпе шли о близкой войне с крымскими и казанскими татарами.

— Где государев Печатный двор? — спрашивал Филатыч.

Словоохотливые прохожие ему объяснили:

— Да уж недалече. На Никольском крестце, где греческий Микольский монастырь. Там рядом ты, батюшка, и найдёшь книгопечатный двор. Мудрёная затея, хитроумная.

ГОСУДАРЕВ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР

Высокие дубовые ворота большого каменного дома были наглухо заперты. Филатыч долго стучал, пока послышался хриплый вопрос:

— Чего надо?

Когда Филатыч сказал, что его прислал боярин Борис Фёдорович, калитка открылась, снова захлопнулась за вошедшими, и привратник заложил её прочным засовом.

Филатыч с Микиткой прошли в просторное помещение. Посреди стоял деревянный станок. Его рычаги, рукоятки и винты показались Микитке очень затейливыми и занятыми. «Хорошо бы смекнуть, для чего такой станок мудрёный и что на нём делают», — думал он.

У стены, на столах, лежали широкие плоские ящики. У другой стены, на деревянных подставках, высились стопки белых бумажных листов. Пахло смолой, скипидаром и дымным угаром.

Несколько человек в передниках, вымазанных сажей и чёрной краской, возились около станка.

— Тебе кого? — спросил один из них.

— Книгопечатника Ивана Фёдорова. Прислал нас боярин Борис Фёдорович Годунов.

— А на что он тебе?

— Хочу мальчонка передать сюда в ученье. Сделайте милость, примите! — И Филатыч, кряхтя, поклонился, коснувшись корявыми пальцами грубо оструганного пола.

Один из работавших у станка выпрямился, посмотрел на Микитку и быстро подошёл к нему:

— У вас у обоих светлые головы, коли захотели прийти сюда учиться! Кругом мракобесы меня кланут, грозят печатню сжечь... Азбуку знаешь?

— Первые листы Псалтыря и книжицы «Азбуковника» читать могу, а дальше разобрать ещё не сумею.

Печатник подошёл к полке, где стояли ящики, и вынул несколько свинцовых кубиков. Один из них

он прижал к ладони, всмотрелся в оттиск, затем передал мальчику:

— Что это такое?

Микитка осмотрел кубик, так же, как печатник, притиснул его к руке и, взглядевшись, сказал:

— Это свинчатка, а на ней буква вырезана, только не прямо, а наизнанку. Как притиснул я к ладони, на ней и вышел оттиск чёрный, буква «веди».

Печатник положил вымазанную чёрной краской широкую ладонь на светловолосую голову Микитки и добрыми тёмными глазами всматривался в его юное лицо.

Микитка, обрадованный приветливым обращением мастера, поднял глаза и отвечал осмелевшим взглядом. Он всё сразу осмотрел в печатнике: и что борода у него малая, и что одет он в синий суконный кафтан с завёрнутыми до локтей рукавами, и что грудь его прикрыта холщовым передником, и что высокие, до колен, сапоги добротной кожи, но изношенные, что подпоясан он широким кожаным поясом и что такой же кожаный, но узкий ремешок, как у сапожников, охватывает через лоб его голову, чтобы длинные, как у дьякона, волосы не спускались во время работы на глаза.

— Ты мальчик смыслёный, — сказал печатник. — Ты останешься здесь на моих харчах, а я из тебя хорошего мастера сделаю, научишься книги печатать.

СКОРОЕ ДЕЛАНИЕ КНИЖНОЕ

Занятия в школьной избе шли своим порядком. Ребята двигались по пути азбучной премудрости и уже могли, водя по строчкам указкой, неспешно читать знакомые слова, написанные в книжице.

Весна в том году была ранняя, и солнце, шаловливыми зайчиками бегая по лицам учеников, словно манило их на двор, к реке для проказ и весёлых игр. Скамья у печи, на которой уже давно не сидел Микитка, стала вдруг особенно заметной в залитой ярким светом избе. И всё чаще княжич Никита доучал Филатычу просьбами сходить на Печатный двор, проведать своего мил дружка Микитку.

Как ни отнекивался Филатыч, а пришлось ему пойти к боярину Борису Фёдоровичу. Низко поклонившись, изложил он ему просьбу «малого дитяти Никиты Петровича».

Помолчал Годунов, потом улыбнулся:

— И вправду, пусть сходит. Посмотрит, как скоро печатник книжки делает. Вот что, Филатыч: велю-ка я мастеру Кузьме Демьянычу завтрашний день вместо ученья повести всех учеников на Печатный двор. Веселье с пользой разумно пусть сочетаются.

На следующий день, в восьмом часу утра, на крыльцо Печатного двора медленной, важной поступью поднялся учитель Кузьма. За ним шли маленькие грамотеи, а позади Филатыч.

Ребята шёпотом переговаривались, глазёнки их так и бегали по сторонам. Они толкали друг дружку локтями, сгорая от нетерпения и любопытства. Но как только дверь отворилась, мальчики сразу умолкли и вслед за учителем чинно вошли в помещение печатни.

— Дело доброе! — сказал печатник Иван Фёдоров, узнав, для чего прислал к нему мальчиков боярин Борис Фёдорович. — Сам великий государь Иван Васильевич сей Печатный двор построить велел. И не дале как вчера здесь быть изволил, взирал на работу нашу. Теперь у нас большая печатная мастерская будет.

— А для чего великий государь сим делом занялся? — нерешительно задал вопрос Кузьма Демьяныч.

— Для того, добрый человек, что разные мало учёные и неискусные мастера, переписывая книги рукою своею, многие ошибки в них вносят. И каждый раз новый переписчик новые ошибки добавляет. К тому же те книги рукописные иногда целыми годами пишутся, а потому больших денег стоят, и никто, кроме богатеев, купить их не может. А теперь, на станке, книги скоро и чисто делаться станут. И цена на них будет лёгкая. Народ наш от книг этих большое знание получит. Просветившись же грамотою, государство Московское в ряд с величайшими державами возвысится и силу огромную будет иметь.

Едва Иван Фёдоров кончил говорить, как Никита вырвал свою руку из рук Филатыча и бросился через всю печатню к Микитке. Тот, широко улыбаясь, давно уже на него поглядывал.

Но не успели они разговориться, как печатник сказал строго:

— А ну-ка, Микитка, принимайся за работу! Пусть посмотрят гости, как книжицы делаются.

Микитка вместе с другим мальчиком, постарше, снял со стола квадратную дубовую доску. Они осторожно понесли её к большому деревянному станку. Микитка кожаной подушечкой старательно смазал чёрной краской свинцовые буквицы, вставленные правильными рядами в углубления доски. Другой подушечкой он нанёс красную краску на деревянный резной квадратик, выступающий в правом верхнем углу доски. Потом осторожно прикрепил поверх набора деревянными иголками лист бумаги.

Когда доска была задвинута в станок под пресс, помощник печатника Пётр Мстиславец нажал на

толстый деревянный винт пресса. Снова нажал и отпустил. Затем нажал со всею силой ещё раз.

По знаку печатника сын его вместе с Микиткой вынули доску с набором из-под пресса и отнесли на стол к окну.

Сам Иван Фёдоров снял матерчатую рамку, которая прижимала бумажный лист к набору. Осторожно вынул деревянные шипы — иголки. Потом медленно, осторожно отодрал лист с доски.

Высокий, отставив на каблук одну ногу, весь освещённый солнцем, стоял он у окна, рассматривая только что полученный оттиск.

Слева, вверху листа, красной краской вился узорчатый рисунок, изображавший большую букву «Г».

— Глаголь, — произнёс в тишине звонкий голос Утемиша.

Он незаметно уже подобрался к печатнику и впился чёрными блестящими глазами в волшебный лист. Печатник улыбнулся мальчику. И все вдруг разом заговорили, зашумели.

— А вот, поглядите, как такие узоры получаются.

У другой стены за узким длинным столом под окном сидели два человека. Они, не отрываясь от работы, взглянули на гостей, поклонились и продолжали своё дело.

— Вот это знаменщик: он гусиным пером наносит узор на дерево. Что резальщик вырежет прочь, то на листе белым окажется, что оставит — красной краской обозначится.

Тонким острым ножичком резальщик удалял из деревянного квадрата мельчайшие стружки. На дереве проступал замысловатый рисунок из цветов и листьев.

— А буквы эти откуда берёте? — любопытствовал Филатыч.

— Да всё оттуда же. Своими руками производим. Резальщик по рисунку режет, а мы с Петром Мстиславцем отливаем их из свинца. Словолитня наша помещается в подвале. Одначе я вас туда не поведу. Угарно там от горна с угольями, где свинец плавится, да и тесно.

Никита ходил за Микиткой, не сводя с него глаз. Ему казалось, что Микитка стал и выше и старше. Он даже побаивался его чуть-чуть.

— Микитка, а ты царя видел?

— Видел,— важно ответил Микитка.— Сюда он приходил. Я ему для показа доску с буквицами в станок так же вот задвигал. Он страшный, глазищами так и зыркает.

— Ишь ты! Вот ты какой теперь! — восхищённо шепнул Никита.

Иван Фёдоров на прощанье ласково погладил круглую головёнку Утемиша своей большой, чёрной от свинца и краски рукой, ущипнул легонько за ухо и сказал потом ребятам такое напутственное слово:

— Чтение книжное — добро великое. Когда читаешь книгу, не спеши дочитать, но уразумей сперва, о чём в ней говорится. Краса воина — меч острый, корабля — ветрило, а мужа государственно — знание книжное. Наш народ книги полюбит и их сбережёт.

ПИСЬМА ИЗ СТОЛИЦЫ ДОМОЙ

Прошло полтора года, как Микитка покинул родной дом. Один из возчиков, ездивших из усадьбы «Весёлые пеньки» в Москву, привёз письмо от учителя к матери княжича Никиты. Мастер Кузьма Демьяныч писал так:

— Чтение книжное — добро великое.

«Всемиловитвейшей княгине, Арине Федосеевне, её холопишко Кузьменок радоваться и здравствовать много лет желает.

Сообщаем, что с божьей помощью ваше благоумное чадо, княжич Никита Петрович, в книжной хитрости от нижней ступени на вышнюю восступает. Он уже изучил все 44 буквицы, читает двоесложные и троесложные словеса, одолевает начало «Азбуковника» и радуется очи взирающих на него.

Ещё молим вашу княжескую пресветлость не забыть раба вашего, мастера Кузьменку, и прислать некоторую толику от обильных даров: маслица, рыбыцы сушёной, яичек и птах водоплавных, либо иного, чем милость ваша соблаговолит меня облагодетельствовать.

Пребываю вашей княжеской пресветлости раб и молителъ Кузьменок, книжный доброписец и школьный мастер».

Тот же возчик побывал на государевом Печатном дворе и привёз оттуда письмецо Микитки к матери и деду.

Мать положила в лукошко пяток яиц и пошла к церковному пономарю. Тот переложил яйца в свою деревянную миску, важно развернул скрученный трубочкой листок, расправил его и медленно, с расстановкой прочёл:

«Моей мамане, Василисе Кондратьевне, и деду, Касьяну Гавриловичу, сын и внук Микитка низкий поклон бьёт и желает много лет здравствовать.

Я теперь заделался учеником на Печатном дворе под началом диакона Ивана Фёдорова, ко мне дюже ласкового. Он мне подарил свою кожаную опояску и передник, чтобы я сажей не измазался.

Для печатания книжиц сделаны станки из дере-

ва, отменно прочные. На этих станках печатаются чёрной и красной красками разумные книжицы, я их все читаю. Работать мне здесь более по сердцу, чем на козла деревянного ложиться. Да и никакого козла здесь нету.

Ежели наши возчики сызнова в Москву поедут, приезжайте, маманя или дедушка, с ними меня проведать и привезите ржанных лепёшек и яблок мороженых. Мне же отсюда уехать нельзя. А охота вас повидать большая и снегирей бы половить.

А больше мне писать нечего, да и работы много.
Ваш покорный сынишка и внучонок

Микитка».

Мать Микитки всхлипнула, вытерла слезу концом полинялого платка, которым была повязана её голова, поклонилась в ноги пономарю и отправилась домой.

Вечером, разговаривая с дедом Касьяном о Микитке, она спросила:

— А что это за козёл деревянный?

Дед Касьян, поморщившись, отмахнулся рукой:

— Эх, матушка, лучше не спрашивай! Все мы на козле побывали, холопские спины батогами мечены! — И добавил: — Микитка наш, видимо, попал к мастеру доброму, в работе преуспевает и в жизни не пропадёт.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В боярской усадьбе	3
В избе у Микитки	5
Поездка в Москву	10
Вот и Москва!	13
Микитка затерялся	15
В боярском доме	19
Где же Микитка?	23
Под водяным колесом	25
Прошка Сполох, медвежатник	27
Никита приступает к трудному делу	29
Поездка за «потешками»	34
Торг на льду	37
Школьный «козёл»	42
Микитку посылают к книгопечатнику	50
Государев Печатный двор	54
Скорое делание книжное	56
Письма из столицы домой	60

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Ваши отзывы об этой книге
присылайте по адресу: 125047,
Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Ян В. Г.

Я60 Никита и Микитка: Исторический рассказ / Рис.
Н. Шеберстова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1983.—
64 с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

10 к.

Исторический рассказ о Москве времён Ивана Грозного, о том, как учились боярские и крестьянские дети, о крепостном мальчике Микитке — ученике талантливого русского первопечатника Ивана Фёдорова (ок. 1510 — 1583)

Я 4803010102—314 Без объявл.
M101(03)83

P2

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

в 1983 году в серии

«Маленькая историческая библиотека»

выйдут следующие книги:

Кржижановский Г. М.

ШУ-ШУ.

Воспоминания Глеба Максимилиановича Кржижановского, выдающегося деятеля революции, верного друга Владимира Ильича Ленина.

ЮНЫЕ БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИИ.

В книгу вошли рассказы М. Большинцова «Мальчик с Нарвской заставы» и П. Павленко «Мальчик с Остоженки» о подростках, участниках революции 1917 года.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Василий Григорьевич Ян

НИКИТА И МИКИТКА

Исторический рассказ

ИБ № 7617

Ответственный редактор

С. П. Мосейчук

Художественный редактор

М. Д. Сузовцева

Технический редактор

Л. С. Стёпина

Корректоры

Л. М. Письман и Л. А. Рогова

Сдано в набор 19.01.83. Подписано к печати 21.03.83. Формат 60×84¹/₁₆.

Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,72.

Усл. кр.-отт. 4,19. Уч.-изд. л. 2,76. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2354.

Цена 10 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушэвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»